

**«РОДИНА-МАТЬ»
КАК КУЛЬТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ РЕСУРС
ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ***

Проблема формирования российской гражданской идентичности является одной из наиболее острых и актуальных как в академическом, так и в социальном аспектах. Оригинальность подхода, который предлагаем мы, заключается в трактовке данного процесса как проведения символических границ; в качестве одного из «символических пограничников» рассматривается «Родина-мать».

Социальные границы выступают атрибутом социальности — подобно тому, как границы как таковые являются атрибутом бытия [1]. Процесс установления и корректировки социального порядка — это и есть, собственно, процесс проведения границ: между дозволенным и недозволенным, между нормой и девиацией, между истинным и ложным, между «своими» и «чужими». Социальные границы являются важнейшим элементом общественной жизни, поскольку они, во-первых, фиксируют право собственности, во-вторых, обозначают социальные иерархии. При этом, отражая объективную дискретность социального бытия, они в то же время выступают социальным конструктом: в процессе проведения границ объективные различия не только фиксируются, но также преувеличиваются или, напротив, преуменьшаются. Социальные границы, таким образом, имеют и символическое измерение. Литература по символическим границам, как отмечает М. Дамон, приобрела особую значимость в 1960-х гг. благодаря тому, что произошла своеобразная конвергенция двух научных направлений: исследований символических систем и изучения не прямых форм власти [2]. Своим интересом к проблеме символических границ социальные науки в значительной степени обязаны работам Ф. Барта, который впервые использовал конструктивистский подход для анализа социальных границ [3]. Роль символических границ в социальных отношениях определяется их связью с такими важнейшими социальными феноменами, как власть и идентичность.

Проведение символических границ является фактором, оказывающим влияние на отношения господства и подчинения и, следовательно, может быть рассмотрено в качестве формы «символического насилия». Что касается коллективной идентичности, то ее интерпретация как, в первую очередь, отношения между «своими» и «чужими» определяет ключевое значение границы. Репрезентации «своих» и «чужих» обуславливают друг друга; конструкция инаковости одновременно представляет собой нормативный образец идентичности [4]. Таким образом, проведение границ связано с процессами включения и исключения как необходимыми условиями создания и функционирования сообщества. При этом

* Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ 15-03-00010 «Символ 'Родины-матери' в символической политике современной России».

следует принимать во внимание гетерогенность коллективной идентичности, которая существует как процесс конкуренции различных дискурсов, соревнующихся между собой за определение «наших» и «не-наших» и, соответственно, за определение нормы и девиации. Различные дискурсы утверждают символические границы между «своими» и «чужими» на собственный манер, определяя при этом «более своих» и «менее своих», производя тем самым инаковость не только внешнюю, но и внутреннюю. На то обстоятельство, что диакритики становятся предметом острой конкуренции, связанной с проблемой власти, обратил внимание еще Барт. Борьба ведется как за право проведения границ, так и за выбор самих маркеров. Различные политические группы утверждают ценность одних маркеров и ставят под сомнение значимость других различий [5]. Таким образом, для того, чтобы укрепить одни символические границы, требуется ослабить альтернативные, и необходимыми условиями конкурентоспособности символических границ являются их заметность и прочность. В соответствии с этим эффективные символические пограничники должны, во-первых, маркировать границу и быть узнаваемыми; во-вторых, «охранять» границу, делать ее «непреодолимой», легитимируя ее, придавая ей видимость естественности; в-третьих, акцентировать различные черты двух сообществ и игнорировать сходные.

Для обоснования правильности собственного варианта проведения границы, придания ей прочности, нередко прибегают к использованию тех маркеров, которые ассоциируются с природными, натуральными характеристиками человека: такими, как раса, этничность, язык, гендер. Скажем, гендерный дискурс, подчеркивающий отличия российских мужественности и женственности от западных, широко используется в политиках идентичности, проводимых в период президентства В. Путина [6].

Формирование российской гражданской идентичности может быть рассмотрено в качестве процесса проведения символических границ. Создание новой России предполагает обеспечение единства ее граждан, которое означает, во-первых, достижение определенного уровня социально-политической и культурной однородности (единое культурное и информационное пространство; язык; нормы поведения; система ценностей; управляемость; единое правовое поле; связи между регионами; равные возможности всех россиян вне зависимости от этнического происхождения) и, во-вторых, осознание этого единства, то есть изменения в коллективной и индивидуальной идентичности. При этом политика создания российской идентичности предполагает как приуменьшение реальных различий внутри страны, так и преувеличение внешних отличий. В частности, связанная с созданием российскости потребность в укреплении символических границ с внешними «чужими» выступает одним из факторов роста антиамериканских настроений в России [7].

В качестве «символических пограничников», помимо самих терминов «россияне» и «российская нация», используются репрезентации специфики российской цивилизации, будь то особенности политической системы или национального характера. При этом мы можем наблюдать, как подвергаются своеобразной

семиотической перекодировке те символические пограничники, которые призваны маркировать русскость: теперь они обозначают российскость, что служит хорошей иллюстрацией справедливого замечания Э. Козна о том, что «символы не столько выражают значения, сколько дают нам возможность значения производить» [8]. Один из них — это символ «русского медведя», который превращается в медведя российского: такая черта медвежьего символа, как его распространенность среди не только русского, но и других этносов России (включая финно-угорские народы, народы Сибири), позволяет ослабить межэтнические границы в стране, укрепив границы внешние.

Материнский символ России — один из наиболее заметных символов в отечественной истории. На протяжении многих веков он использовался в различных видах дискурса (национальном, этническом, военном, гендерном, демографическом, внутривластном, дискурсе международных отношений). Данные социологических исследований (в частности, Левада-центр, август 2013) показывают, что он популярен и сегодня; он был широко востребован в легитимации присоединения Крыма к Российской Федерации в 2014 г. [9]. «Родина-мать» занимает важное место и в «имперском» дискурсе, оказывая влияние на репрезентации России как полиэтничного и многоконфессионального государства. И если раньше это был символ, прежде всего, русскости, то сегодня о главенствующей роли русского народа как «старшего брата» (что характерно, например, для идеологии 1930–1950-х гг.) речи не идет; эта равноудаленность всех «детей» России также становится фактором публичного дискурса. В докладе делается попытка проанализировать, во-первых, как в дискурсе современных российских СМИ материнский образ России используется как символ российскости; во-вторых, в какой мере он таковым воспринимается в массовом сознании (здесь материалами являются данные полужурналистского интервью, проведенного в г. Иваново; июнь 2015 г.).

Примечания

1. Рябов О. В., Константинова М. А. «Русский медведь» как символический пограничник // Труды Карельского научного центра РАН. 2011. № 6. С. 114–123.
2. Lamont M. Symbolic Boundaries. URL: <http://educ.jmu.edu/~brysonbp/symbound/papers2001/LamontEncyclo.html> (дата обращения: 20.08.2015).
3. Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: the Social Organization of Culture Difference: Results of a Symposium Held at the University of Bergen, 23rd to 26th February 1967 / Ed. by F. Barth. Boston: Little, Brown, 1969. P. 9–38.
4. Sharp J. P. Condensing the Cold War: Reader's Digest and American Identity. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2000. P. 29.
5. Barth F. Op. cit. P.35.
6. Riabov O., Riabova T. Remasculinization of Russia? Gender, Nationalism and Legitimation of Power under Vladimir Putin // Problems of Post-Communism. 2014. Vol. 61. N 02. P. 23–35.
7. Рябова Т. Б., Романова А. А. Гендерное измерение современного российского антиамериканизма (к постановке проблемы) // Женщина в российском обществе. 2012. № 3. С. 21–35.
8. Cohen A. The Symbolic Construction of Community. London; New York: Ellis Horwood Ltd., 1985. P.15
9. Рябов О. В. Мать и мачеха: Материнский символ России в легитимации присоединения Крыма к РФ // Женщина в российском обществе. 2014. № 4. С. 40–50.